

22 ноября 1916 г. в связи с необходимостью ремонта помещений и инвентаря лазарета и малым количеством раненых⁴⁶².

*К вопросу об исключении
«подданных враждебных России государств»*

Осенью 1914 г. страну захлестнула волна германофобии. Немецкое посольство подверглось разгрому, толпа подожгла некоторые представительства немецких фирм и принадлежавшие немцам магазины. Живущим в России немцам с первых же дней войны пришлось испытать немало оскорблений и унижений. Прессу заполнили ура-патриотические вирши такого рода:

«Мы, конечно, победим!
Всем откроем мы объятия,
Озверелым лишь одним
Немцам — ненависть, проклятье!
Они кичатся просвещеньем?
Хвала германскому уму —
Мы зверя видим с отвращеньем
В густом отравленном дыму...
Но, право, Русская земля
От древних лет своих начала
И никогда в былой войне
Подлее немца не встречала,
Который служит сатане
Одному —
Потому:
Мы, конечно, победим!
Всем забвенью без изъятья.
Озверелым лишь одним
Немцам — ненависть, проклятье!»⁴⁶³

Шквал обвинений обрушился и на Академию наук. «Злые недоброжелатели» ставили ей в упрек обилие немецких имен в списках почетных членов и членов-корреспондентов (свыше 25 процентов), обвиняли «васи-

⁴⁶² Там же. Д. 2. Л. 248.

⁴⁶³ Рогович А. Б/названия // Летопись войны 1914—1915 гг. № 52. 1915 г. С. 837—838. Ср. Дмитриевская-Горбунова Ел.:

«Народ наш терпелив и многое прощает;
Но если встанет он, тогда уж — берегись!
Он в грозном шествии все на пути сметает...
Дорогу! Русь идет! Тевтон, посторонись!» Там же. № 39. 1915 г. С. 632.

леостровский Ватикан» в «лакейском прислужничестве перед немцами», в атрофии патриотических чувств и гражданственности. Автор статьи «Наука и гражданственность» Незнамов негодовал: «Проповедуемая недоумками космополитического либерализма автономность ученых корпораций в политике по своему логическому смыслу и содержанию в такие минуты становится уже отрицанием всякой общественности и гражданственности...»⁴⁶⁴

Правая печать начала оголтелую травлю действительных членов Академии немецкого происхождения⁴⁶⁵. Факты повседневной научной практики в свете военных событий преподносились как акты пособничества враждебной Германии. Журналисты вспомнили о том, что перед началом войны директор Пулковской обсерватории академик шведского происхождения Оскар Баклунд передал рукописи Кеплера для временного пользования астрономам в Берлине. Целиком его стараниям газеты приписывали передачу немецким геодезистам в 1910 г. военного транспортного судна «Прут» для производства геодезических исследований и съемок на нашем черноморском побережье. Гибель этого корабля была одним из первых событий I мировой войны⁴⁶⁶.

Академии наук вменяли в вину даже то, что накануне войны она заключила с немецкими фирмами подряды на строительство нового здания библиотеки. Объяснялось это тем, что немецкие фирмы были добросовестнее русских и в то время их было больше, чем английских или французских. Кроме того, для таких работ, как установка металлических рам и металлических книжных шкафов, устройство центрального отопления и электрического освещения, русских фирм вовсе не существовало. На газетные выходки Академия наук отвечала презрительным молчанием. Мнение Никитина о газетных писаках сложилось уже давно: «При известных свойствах ума и сердца нетрудно быть беспощадным к тем, о ком не имеешь никакого представления»⁴⁶⁷.

Впрочем, воодушевление августа–сентября 1914 г. в России было очень похоже на тот патриотический подъем, который охватил германское общество. Антинемецкую волну подстегнуло опубликованное 4 октября 1914 г. одиозное обращение 93 немецких ученых «К культурному миру!», которое защищало разбойничье нападение Германии на Бельгию и содержало

⁴⁶⁴ Незнамов. Наука и гражданственность // Новое время. 19 января 1915.

⁴⁶⁵ Академия наук и немцы // Там же. 1 ноября 1914.

⁴⁶⁶ Какому отечеству служат немцы-члены Российской Императорской Академии наук?! // Там же. 2.03.1915.

⁴⁶⁷ ПФА РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 307. Л. 15.

несправедливые обвинения против России и русской науки. В нем говорилось: «Как представители германской науки и искусства мы заявляем протест перед всем культурным миром против лжи и клеветы, которыми наши враги стремятся запятнать чистое дело Германии в навязанной ей тяжелой борьбе за существование. Железный голос событий уже опровергнул распускаемые ими измышления о немецких поражениях. Тем ревностнее теперь распространяются извращенные сведения и инсинуации. Против них мы громко возвышаем наш голос. Он должен возвестить правду.

Это не правда, что Германия виновница войны. Ни народ, ни правительство, ни император не хотели ее. Со стороны Германии были приняты крайние меры для ее предотвращения. Тому есть документальные доказательства. Достаточно часто Вильгельм II в течение своего двадцатилетнего царствования являлся хранителем всеобщего мира; достаточно часто даже наши враги это признавали. Да, этот самый император, которого они теперь осмеливаются называть Аттилой, в течение десятилетий подвергался насмешкам с их стороны за свое непоколебимое миролюбие. Лишь после того, как давно подстерегавшие нас на наших границах громадные вражеские силы с трех сторон напали на нас, наш народ поднялся, как один человек.

Это не правда, что мы преступно нарушили нейтралитет Бельгии. Имеются доказательства тому, что Франция и Англия уже раньше приняли решение нарушить его. Имеются доказательства тому, что Бельгия согласилась на это. Было бы равносильно самоубийству, если бы мы не предупредили их.

Это не правда, что нашими солдатами были задеты жизнь и имущество хотя бы одного бельгийского гражданина, когда того властно не требовала самозащита. Несмотря на все увещания, население все снова и снова, из-за угла обстреливало наших солдат, уродовало раненых и убивало врачей при исполнении их самаритянского долга. Нет более гнусного подлога, чем замалчивание преступлений этих подлых убийц, с целью вменить немцам в преступление то справедливое наказание, которому те подверглись.

Это не правда, что наши войска зверски свирепствовали в Лувене. Обстрел части города был актом возмездия, которому они с тяжелым сердцем должны были подвергнуть безумствовавшее население, предательски напавшее на расквартированные среди него воинские части. Большая часть Лувена осталась неуничтоженной. Знаменитая ратуша стоит и теперь невредимой. Наши солдаты самоотверженно охраняли ее от пламени. Если в этой ужасной войне разрушены произведения искусства или если они еще будут уничтожены, то каждый немец стал бы это оплакивать. Не уступая никому в любви к искусству, мы одни решительно отказываемся спасти художественные произведения ценою немецкого поражения.

Это не правда, что наш способ ведения войны не считается с законами международного права. Наши войска не знают разнузданной жестокости, а на Востоке земля пропиталась кровью зарезанных русской ордой женщин и детей, на Западе пули дум-дум разрывают грудь нашим воинам. Менее всего имеют право разыгрывать роль защитников европейской цивилизации те, кто заключали союз с русскими и сербами и являют миру позорное зрелище, натравливая монголов и негров на белую расу.

Это не правда, что борьба против нашего так называемого милитаризма не есть борьба против нашей культуры, как лицемерно утверждают наши враги. Без немецкого милитаризма немецкая культура давно была бы стерта с лица земли. На защиту этой культуры возник милитаризм из ее же недр в стране, которая в течение веков подвергалась разбойничьим набегам более чем какая-либо другая страна. Немецкое войско и немецкий народ составляют одно целое. Это сознание братски объединяет ныне 70 млн немцев без различия уровня образования, сословий и партий.

Мы не в состоянии вырвать из рук наших врагов отравленного ложью оружия. Мы можем лишь громко крикнуть всему миру, что они лжесвидетельствуют о нас. К вам, которые знаете нас, к вам, которые до сего времени совместно с нами берегли высшее достояние человечества, к вам мы взываем: Верьте нам. Верьте, что мы доведем эту борьбу до конца, как народ культурный, для которого заветы Гете, Канта, Бетховена так же святы, как собственный очаг и родная земля.

Порукой этому наши имена и наша честь»⁴⁶⁸.

Обращение «К культурному миру!», продемонстрировавшее шовинизм лучших представителей немецкой интеллигенции⁴⁶⁹, имело широкий международный резонанс и вскоре заслуженно получило в ученой среде на-

⁴⁶⁸ «Aufruf an die Kulturwelt» vom 4. Oktober 1914. // Schroder-Gudehus. Deutsche Wissenschaft und internationale Zusammenarbeit 1914–1928. Ein Beitrag zum Studium kultureller Beziehungen in politischen Krisenzeiten. Deneve Imprimerie Dumaret et Golay, 1966. S. 272–274. Перевод дан по: ПФА РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 309. Л. 3–3 об. «Воззвание 93-х» было дополнено в октябре «Обращением преподавателей высших школ германского рейха», подписанным более чем 4000 профессоров и приват-доцентов. Автором этого обращения был выдающийся немецкий филолог-классик Ульрих фон Виламовиц-Меллендорф. Все 22 университета Германии поддержали и принятую по инициативе Тюбингенского университета «Декларацию немецких университетов», в которой утверждалось единство армии и народа.

⁴⁶⁹ Впрочем, патриотический подъем, который заставил многих ученых, по словам А. Эйнштейна, «вести себя так, будто им ампутировали мозг», затронул далеко не всех интеллектуалов Европы. Тот же Эйнштейн, а также Д. Гильберт и Г. Дильс отказались подписать воззвание «К культурному миру». Подробнее см.: *Дмитриев А. Н.* Мобилизация интеллекта: Первая мировая война и международное научное сообщество // Интеллигенция в истории. Образованный человек в представлениях и социальной действительности. М., 2001. С. 224.

звание «некультурного воззвания»⁴⁷⁰. Среди подписей были имена 9 почетных членов и членов-корреспондентов Императорской Академии наук: А. Бейера (проф. химии, Мюнхен, чл.-корр. с 1892 г.), Л. Brentано (проф. политической экономии, Мюнхен, чл.-корр. с 1895 г.), И. Конрада, (проф. политической экономии, Галле, чл.-корр. с 1896 г.), Э. Фишера (проф. химии, Берлин, чл.-корр. с 1899, почетный чл. с 1913 г.), Ф. Клейна (проф. математики, Геттинген, чл.-корр. с 1895 г.), В. Оствальда (проф. химии, Лейпциг, чл.-корр. с 1896 г.), М. Планка (проф. физики, Берлин, чл.-корр. с 1913 г.), У. Виласовиц-Меллендорфа (проф. филологии, Берлин, чл.-корр. с 1907 г.), В. Вундта (проф. философии, Лейпциг, почетный чл. с 1902 г.).

Шовинизм в России подогревался и принятым 31 октября 1914 г. решением Совета министров «Об исключении неприятельских подданных (кроме лиц славянского, французского и итальянского происхождения, а также турецких подданных христианских вероисповеданий) из состава всякого рода союзов, обществ, ученых, просветительных и благотворительных учреждений, а также других подобных частных, общественных и правительственных организаций и установлений».

Первым выполнил постановление правительства Петроградский университет и 24 ноября 1914 г. исключил из почетных членов университета профессора права Берлинского университета криминалиста Франца фон Листа⁴⁷¹. Кроме того, Совет Петроградского университета принял «Ответ» русских профессоров на воззвание «К культурному миру», не уступающий по тону самому воззванию. «Ответ» был направлен в высшие учебные заведения Петрограда и Москвы для сбора подписей, и в декабре его подписали 166 человек. «Ответ германским ученым» был послан и в Академию наук, но она к нему не присоединилась⁴⁷². В течение продол-

⁴⁷⁰ Осенью–зимой 1914 г. появилось немало коллективных ответов германским профессорам: 21 октября в газете «Таймс» было опубликовано обращение 117 видных британских ученых; 26 октября на публичном ежегодном заседании Института Франции был принят ответ на «Воззвание 93-х», а 3 ноября был распространен Манифест 15 французских университетов, обращенный к университетам нейтральных стран. Особенно негативной реакция на оправдание германскими учеными действий своей страны была в Америке. Однако в странах с прогерманской ориентацией (в Швеции, Испании, Греции) реакция на воззвание «К культурному миру» была в целом позитивной. См.: Там же. С. 207–208.

⁴⁷¹ Протоколы заседаний Совета Имп. Петроградского университета за 1914 г. Пг., 1916. № 70. Московский университет исключил из состава почетных членов около 70 подданных Германии: *Иванов А. Е.* Российское «ученое сословие» в годы «Второй отечественной войны» (очерк гражданской психологии и патриотической деятельности) // ВИЕТ. 1999. № 2. С. 111.

⁴⁷² Там же. С. 112; ПФА РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 309. л. 1–2 об. (На правах рукописи. Исключительно для распространения между профессорами Петроградского университета и других высших учебных заведений). Ученый совет Казанского университета в начале

жительного времени Академия игнорировала и постановление Совета министров от 31 октября, хотя под его действие попадало около 60 почетных членов и членов-корреспондентов.

Константин Константинович, помня о лежащей на президенте обязанности быть на страже чести и блага Академии, предупреждал Конференцию о том, что отказ от исполнения постановления Совета министров мог «повлечь за собой крупные неприятности вплоть до изъявления Высочайшего неудовольствия»⁴⁷³. Академия оказалась в затруднительном положении. Решающую роль в спасении ее достоинства сыграл вице-президент Никитин, которому хватило мужества и сил доказать и президенту Академии наук, и министру народного просвещения гр. П. Н. Игнатьеву, что «нельзя требовать, чтобы все учреждения выражали свои патриотические чувства одним и тем же способом»⁴⁷⁴ и что способ, предложенный Советом министров, для Академии наук совершенно неприемлем.

Суть дела Никитин письменно изложил Константину Константиновичу: «В том представлении министра внутренних дел, которое изложено в самом начале журнала и развитием которого явилось заключение Совета министров, необходимость устанавливаемой меры обосновывается недопустимостью участия подданных враждебных России государств в деятельности русских учреждений. Отсюда, надо думать, следует, что эта мера не касается почетных членов и членов-корреспондентов Академии. Они в деятельности Академии не участвуют. Их сообщения о сделанных ими открытиях и их статьи могут быть принимаемы или отвергаемы Академией точно так же, как сообщения и статьи всяких посторонних ей лиц. А во время нынешней войны и этого рода отношения Академии к ученым, находящимся в неприятельских странах, сами собой прекратились. Предоставление званий почетного члена и члена-корреспондента не есть привлечение в состав Академии или к участию в ее деятельности, а есть такое выражение признания услуг, оказанных науке, которое, раз состоявшись, не может по самому своему смыслу быть взято обратно.

Попытка распространить исключение на почетных членов и членов-корреспондентов встретила бы с затруднениями едва ли одолжимыми. Оба эти разряда номинальных членов не состоят на службе Академии; поэтому

1915 г. также принял специальный контрмеморандум, обращенный к немецким ученым: Ответ германским ученым // Ученые записки Имп. Казанского университета. 1915. Кн. 9. С. 1–2.

⁴⁷³ ПФА РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 307. Л. 1. Письмо Константина Константиновича П. В. Никитину от 20.01.1915.

⁴⁷⁴ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 38. Л. 53–53 об. Письмо П. В. Никитина Константину Константиновичу от 19.01.1915.

она не ведет для них и не может вести ничего подобного формулярным спискам. Подданство и национальность своих иностранных почетных членов и членов-корреспондентов она вообще может определять только предположительно на основании сведений о местах их рождения и деятельности. Но эти основания далеко не всегда бывают достаточны. Между нашими членами-корреспондентами некоторые родились и первоначально действовали в России, состоя на государственной русской учебной службе, а теперь профессорствуют в Германии: наверное можно думать, что они были русскими подданными, а состоят ли теперь в германском подданстве, мы не знаем. Один родился в Германии и сделался членом академии в Мюнхене, а ныне состоит профессором в Нью-Йорке: следует ли исключить его как германца или пощадить как американца? Наш почетный член и член Венской Академии минералог Gustav von Tschermak должен ли быть исключен как австрийский подданный, или во внимание к его фамилии и к тому, что он родился в Моравии, должен быть пощажён как славянин? Откуда нам узнать, за кого он сам себя считает, за немца или за славянина? Берлинский профессор славянской филологии Alexander Brückner спасся бы, вероятно, благодаря случайной известности того факта, что он по происхождению славянин, поляк. Но не было бы вопиющей несправедливостью, если бы подвергся исключению один из самых крупных славистов Август Лескин только потому, что нам неизвестно указаний на принадлежность этого германского подданного к славянскому племени?»⁴⁷⁵

Правительство продолжало настаивать на выполнении своего постановления. Под давлением обстоятельств группа академиков взялась за составление «Записки» с изложением причин, препятствующих Академии наук исполнить правительственное постановление. В этой работе самое активное участие приняли Лаппо-Данилевский, Марков и Никитин. Лаппо-Данилевский и Марков сделали акцент на том, что эта мера пагубно отразилась бы на международном положении Академии и, «не принося никакой пользы ни России ни, в частности, Академии наук, может повлечь за собой неожиданные и нежелательные последствия: прекращение связи с целыми обществами и академиями и неуспех начатых международных научных предприятий»⁴⁷⁶.

В основу своего решения Общее собрание положило мысли, высказанные Никитиным о нравственных обязательствах Академии перед своими иностранными членами и об опасности смешения науки с политикой.

⁴⁷⁵ Там же. Д. 37. Л. 73 об.–75. Письмо П. В. Никитина Константину Константиновичу от 10.12.1914.

⁴⁷⁶ Там же. Л. 6–6 об.

«Трудно представить себе, — писал Никитин, — чтобы, отняв у двух-трех десятков ученых людей звания, не соединенные ни с какими действительными правами, мы уменьшили хотя бы на одно ружье силы наших врагов; а между тем несомненно, что впоследствии, по прекращении войны, эта мера вредно отозвалась бы на положении русской науки, особенно, если бы принята была бы без соглашения с учеными и высшими учреждениями Англии и Франции»⁴⁷⁷.

Проект ответа академиков Никитин доложил Игнатьеву 3 февраля 1915 г., но по просьбе министра обсуждение этого вопроса Общим собранием было отложено до того времени, когда в Министерство поступили официальные сведения об отношениях французских и английских научных организаций к своим членам из числа неприятельских подданных. Действительно, в феврале 1915 г. авторы «Воззвания 93-х» были исключены из Академии наук и Академии надписей и изящной словесности Франции (всего 9 человек)⁴⁷⁸. Однако это решение не поколебало решимости наших академиков сохранить в неприкосновенности всех своих иностранных членов.

Экстраординарное Общее собрание, состоявшееся 14 марта 1915 г., большинством голосов (21 против 3) отклонило огульное исключение из списков Академии «неприятельских» подданных как «затруднительное или в точности даже неисполнимое и неудобное по своим последствиям». Вместе с тем признавалось, что подписавшие воззвание «К культурному миру» сами себя поставили вне возможности общения с русским высшим ученым учреждением⁴⁷⁹. Предложение присоединить к этому решению резолюцию об исключении из Императорской Академии Наук подписавших воззвание «К культурному миру» было отклонено 16 голосами против 8. Решение Общего собрания было доложено Никитиным Игнатьеву и «довольно благодушно им принято»⁴⁸⁰.

В отличие от правительства печать встретила постановление Общего собрания Академии наук в штыки, обвиняла академиков в политической незрелости, прямой идейной измене русскому делу и даже упрекала их в том, что ночной колпак Моммзена вызывает у них больше нежности и трогательных воспоминаний, чем шапка Мономаха. Записку академиков

⁴⁷⁷ Там же. Л. 16. Полностью записка Никитина публикуется в Приложении 2.

⁴⁷⁸ В Берлинской Академии наук принятие всех мер по отношению к академиям наук враждебных держав после острой дискуссии было решено отложить до конца войны (исключены были только В. Рамзай из Баварской Академии наук в марте 1915 г. и А. Шустер из Геттингенской Академии в 1917 г.: *Дмитриев А. Н.* Мобилизация интеллекта. С. 228).

⁴⁷⁹ Протоколы заседаний ОС. Экстренное Общее собрание. 14 марта 1915 г. § 64.

⁴⁸⁰ ПФА РАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 38. Л. 16 об.

называли «удивительным памятником, который воздвигли себе наши немецкие рабы»⁴⁸¹.

В день проведения Общего собрания, 14 марта 1915 г., газета «Новое время» опубликовала статью „Поругание государственного языка в русской Академии наук», посвященную «Словарю тюркских наречий», составленному Радловым⁴⁸². Немец Радлов, по мнению журналиста, «так презирает и ненавидит русских варваров, что не пожелал научиться русскому языку того народа, на хлебах которого разжирел». «Эта сплошь ломаная русская речь, — негодовал автор статьи, — в издании официального казенного ученого учреждения, напечатанном на деньги русского народа, на деньги каждого из нас, — является каким-то глумлением над нами, дерзким тевтонским вызовом»⁴⁸³. Автор статьи ни словом не обмолвился о том, что этот «дерзкий

⁴⁸¹ Маленький фельетон. *Testimonium pauperitatis* // Новое время. 17 апреля 1915.

⁴⁸² «Опыт словаря тюркских наречий» представлял собой трехязычный тюркско-русско-немецкий словарь, в котором использован материал примерно сорока (в том числе неизученных и малоизученных) тюркских языков и наречий, часть этого материала (70 000 словарных единиц) была собрана Радловым лично. Словарная статья состоит из заглавного слова, после которого следует указание на язык или источник, из которого взято это слово, этимологическая ссылка на язык-первоисточник в нетюркских словах и морфологическая схема тюркских слов с производной основой; вслед за этим даются отсылки с указаниями вариантов, толкование слова на русском и немецком языках и иллюстративный материал с переводом на русский и немецкий языки. Иллюстративная часть пересыпана пословицами, образными выражениями народной речи и является неисчерпаемым источником этнографических сведений и имеет самостоятельную ценность, хотя этот материал представлен в словаре в лексикографически не обработанном виде. Во многих отношениях этот труд является непревзойденным и был переиздан дважды без изменений, в 1960 и 1963 г.

⁴⁸³ *Изумленный*. Поругание государственного языка в русской Академии наук // Новое время. 14. 03. 1915 г. Здесь приводятся примеры коверканья русского языка: «Другое, чего желает осел, другое, чего погонщик осла; Если он будет поспешный, его глаз будет бесстыдный; Ребенком заставляли его сосать посредством материнского молока». По поводу этой заметки Никитин дал следующие объяснения Константину Константиновичу: «Безграмотные выражения из Радловского тюркского словаря приведены в «Новом времени» довольно точно. Но с обычной новременской добросовестностью этим фактам дано ложное освещение. Читатель, не знакомый с предметом статьи, может или даже должен подумать, что речь идет о грехах, совершенных или допущенных Академией в самое недавнее время, чуть ли не после падения Перемышля. А между тем примеры безграмотности взяты все, если я не очень ошибаюсь, из первого выпуска словаря, а этот выпуск вышел более 25 лет тому назад, в 1888 году. Даже и г. Изумленному должно быть известно, что в истории Академии был такой период, когда академиками могли делаться не только люди, недостаточно владеющие, но и вовсе не владеющие русским языком, что этот период продолжался очень долго, и что русский облик Академия принимала очень постепенно. Если бы теперь она принялась исправлять русский язык трудов нерусских ее сочленов из того переходного времени, к которому относится начало словаря, то ей, пожалуй, не осталось бы времени для новых трудов.

Я думаю попытаться составить возражение на статью, построив его именно на этой исторической основе. Новая Академия сделала все возможное для того, чтобы русское изложение Словаря было достаточно безупречно: последние части словаря были редакци-

тевтонский вызов» был сделан задолго до начала войны: словарь издавался в течение 20 лет, начиная с 1888 г., и его последний, 24-й, выпуск вышел в 1911 г. По отзыву же, например, Шахматова, словарь Радлова — «это такой драгоценный вклад в науку, что им всегда будет гордиться наша Академия. Искажений русского языка сравнительно не так много, и никакого ущерба от этих искажений великому языку нашему не произошло»⁴⁸⁴. Словарь до сих пор считается лучшим пособием в области тюркологии.

По поводу же «преступного бездействия Академии перед сказочной безграмотностью изданного на казенные средства от имени Академии академиком Радловым словаря тюркских наречий» Никитин направил следующие объяснения в редакцию газеты: «...Большой уступкой требованиям русской действительности было уже то, что тюркский словарь, пособие при многочисленности тюркских племен в пределах России и в практическом отношении необходимое, обозначил звуки тюркских наречий знаками русского алфавита и значение тюркских слов и выражений переводил не только на родной язык лексикографа, но и на русский язык»⁴⁸⁵.

Нарекания журналистов вызывало едва ли не каждое событие академической жизни. Академики почтили память Ломоносова панихидой — журналисты остались недовольны тем, что сделано это было излишне скромно. Появление нескольких работ в «Записках Физико-математического отделения», сданных в печать в 1911 г. (вып. VII) и написанных немецки, вызвало новый шквал негодования в печати.

2 июня 1915 г. умер Константин Константинович, не пережив гибели на войне своего любимого сына Олега, и Академия наук оказалась совершенно незащитной перед лицом правительства. Под его нажимом 6 февраля 1916 г. Общее собрание вновь вернулось к вопросу об исключении из числа почетных членов и членов-корреспондентов Академии подданных

рованы не Василием Васильевичем, а русскими тюркологами здешнего университета, сперва покойным Мелиоранским, а потом — Самойловичем. Впрочем и печатание первого выпуска обставлено было условиями, как можно было бы думать, обеспечивающими доброкачественность и русского его изложения: корректуры просматривались пятью или шестью учеными, в числе Ильминским, питомцем русской духовной школы, и Розеном, очень заботливо относившимся к требованиям русской речи. Если все-таки несколько безграмотных фраз проскользнуло, то это надо объяснять, во-первых, трудностью согласования требований чистоты русской речи с требованиями точной передачи строя речи турецкой, а, во-вторых, тем, что публика, для которой словарь назначается, гораздо более дорожит обилием турецкого язычного материала, чем изяществом русской его передачи»: ПФА РАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 38. Л. 15–16 об. Письмо от 16.03.1915.

⁴⁸⁴ Там же. Л. 19–19 об. Письмо А. А. Шахматова Константину Константиновичу от 18.03.1915.

⁴⁸⁵ Там же. Ф. 36. Оп. 1. Д. 38. Черновик ответа П. В. Никитина на статью, помещенную в «Новом времени», «Ломоносов и преступления Академии наук».

воюющих с Россией держав. Никитин и на этот раз проявил дипломатическую и филологическую изобретательность, которая позволила Академии наук более или менее достойно выйти из сложной ситуации, в которую ее поставили требования военного времени. После прений была принята новая редакция старого решения: «Императорская Академия наук постановляет исключить из числа почетных членов и членов-корреспондентов Академии подданных воюющих с Россией держав, предоставляя себе по окончании войны иметь суждение о возможности восстановления исключаемых в указанных почетных академических званиях»⁴⁸⁶.

Хотя в этом постановлении сказано об исключении, в нем не были названы имена тех, кто этому исключению подлежал. Лукавство решения академиков состояло в том, что анонимное исключение не могло считаться правомерным, хотя формально оно и отвечало требованиям постановления Совета министров. Современный исследователь Ю. А. Виноградов, как нам кажется, недостаточно оценил изобретательность, проявленную в этом вопросе академиками, и в своих работах он решил исправить «забывчивость» Общего собрания и привел составленный им «список германских ученых для исключения по этому решению»; таким образом он своей волей довел дело об исключении до логического конца⁴⁸⁷. На деле отсутствие списка исключенных указывает на то, что решение 6 февраля 1916 г. было только новой редакцией старого решения Общего собрания 14 марта 1915 г., которое вовсе не отменяло его, а подтверждало, только в иной форме, что Академия наук прерывает отношения с некоторыми своими почетными членами и членами-корреспондентами вплоть до окончания войны (но не «исключает» их, хотя это слово и присутствует в резолюции). Такое решение успокоило общественное мнение и удовлетворило правительство, позволив Академии не рассылать своим почетным членам и членам-корреспондентам оскорбительные для них и позорные для нее бумаги с извещением об исключении. Императорская Академия наук, проявив терпимость к выражению «сознательной или бессознательной недобросовестности шовинизма немецких ученых»⁴⁸⁸, продемонстрировала стране и миру приоритет сверхнациональных ценностей в науке.

⁴⁸⁶ Протоколы заседаний ОС. № 2. 6 февраля 1916 г. § 43.

⁴⁸⁷ Виноградов Ю. А. Германские ученые — члены Императорской Академии наук и Первая мировая война // Петербургская Академия наук в истории академий мира: Материалы международной конференции. СПб., 1999. Т. III. С. 47–49. Ср.: *Он же*. Германские биологи — члены Императорской Академии наук и Первая мировая война // Русско-немецкие связи в биологии и медицине: Опыт 300-летнего взаимодействия / Под ред. Л. Я. Боркина и Э. И. Колчинского. СПб., 2000. С. 130–146.

⁴⁸⁸ ПФА РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 309. Л. 55.